

(1) На Западном фронте мне пришлось некоторое время жить в землянке техника - интенданта Тарасникова. (2) Он работал в оперативной части штаба гвардейской бригады. (3) Тут же, в землянке, помещалась его канцелярия.

(4) Целые дни он надписывал и клеивал пакеты, припечатывал их сургучом, согретым над лампой, рассылал какие-то донесения, принимал бумага, перечерчивал карты, стучал одним пальцем на заржавленной машинке, тщательно выбивая каждую букву.

(5) Однажды вечером, когда я вернулся в нашу халупку, основательно промокнув под дождём, и сел на корточки перед печкой, чтобы растопить её, Тарасников встал из-за стола и подошел ко мне.

-(6) Я, видите ли, — сказал он несколько виновато, - решил временно не топить печки. (7) А то, знаете, печка угар даёт, и это, видимо, отражается на её росте. (8) Она совсем расти перестала.

-(9) Да кто расти перестал?

-(10) А вы что же, до сих пор не обратили внимания? — уставившись на меня с негодованием, закричал Тарасников. — (11) А это что? (12) Не видите?

(12) И он с внезапной нежностью поглядел на низкий бревенчатый потолок нашей землянки.

(14) Я привстал, поднял лампу и увидел, что толстый кругляш вяза в потолке пустил зелёный росток.

(15) Бледенький и нежный, с зыбкими листочками, он протянулся под потолок. (16) В двух местах его поддерживали белые тесёмочка, приколотые кнопками к потолочине.

-(17) Понимаете? — заговорил Тарасников. — (18) Всё время росла. (19) Такая славная веточка вымахнула. (20) А тут стали мы с вами топить часто, а ей, видно, не нравится. (21) Я вот тут зарубочки делал на бревне, и даты у меня проставлены. (22) Видите, как сперва быстро росла. (23) Иной день по два сантиметра вытягивала. (24) Даю вам честное благородное слово! (25) А как стали мы с вами чадить тут, вот уже три дня не наблюдаю роста. (26) Так ей и захиреть недолго. (27) Давайте уж воздержимся. (28) А меня, знаете, интересует: доберётся он до выхода? (29) Ведь так и тянется поближе к воздуху, где солнце, чуёт из-под земли.

(30) И мы легли спать в нетопленной, сырой землянке. (31) На другой день я сан уже заговорил с ним о его веточке.

- (32) Представьте себе, почти на полтора сантиметра вытянулась. (33) Я же говорил, топить не надо. (34) Просто удивительное это явление природы!...

(35) Ночью немцы обрушили на наше расположение массивный артиллерийский огонь. (36) Я проснулся от грохота близких разрывов, выплёвывая землю, которая от сотрясения обильно посыпалась на нас сквозь бревенчатый потолок. (37) Тарасников тоже проснулся и зажёл лампочку. (38) Всё ухало, дрожало и тряслось вокруг нас. (39) Тарасникова поставил лампочку на середину стола, откинулся на койке, заложил руки за голову:

- (40) Я так думаю, что большой опасности нет. (41) Не повредит её? (42) Конечно, сотрясение, но тут над нами наката. (43) Разве уж только прямое попадание. (44) А я её, видите, подвязал. (45) Словно предчувствовал...

(46) Я с интересом поглядел на него.

(47) Он лежал, запрокинув голову на подложенные за затылок руки, и с нежной заботой смотрел на зелёный слабенький росточек, вившийся под потолок. (48) Он просто забыл, видимо, о том, что снаряд может обрушиться на вас самих, разорваться в землянке, похоронить нас заживо под землёй. (49) Нет, он думал только о бледной зелёной веточке, протянувшейся под потолком нашей халупы. (50) Только за неё беспокоился он.

(51) И часто теперь, когда я встречаю на фронте и в тылу взыскательных, очень занятых, сухих и чёрствых на первый взгляд, малоприветливых как будто людей, я вспоминаю техника-интенданта Тарасникова и его зелёную веточку. (52) Пусть грохочет огонь над головой, пусть промозглая сырость земли проникает в самые кости, всё равно — лишь бы уцелел, лишь бы дотянулся до солнца, до желанного выхода робкий, застенчивый зелёный росток.

(53) И кажется мне, что есть у каждого из нас своя заветная зелёная веточка. (54) Ради неё готовы мы перенести все мытарства и невзгоды военной поры, потому что твёрдо знаем: там, за выходом, завешенным сегодня отсыревшей плащ-палаткой, солнце непременно встретит, согреет и даст новые силы дотянувшейся, нами выращенной и сбережённой ветке нашей.

(По Л. Кассилю)